

УДК 340.141: 392.33 (575.2) (04)

РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО АДАТУ

Б.И. Борубашов – профессор

Брачно-семейные отношения у кыргызов регулировались нормами адата и шариата. Имелись различные формы заключения брака. Основа кыргызской семьи опиралась на патриархально-родовые отношения.

Наиболее распространенными в XIX в. в быту киргизов, как и других народов Средней Азии и Казахстана, формами брака являлись левират и сорорат. Брачно-семейные отношения у кыргызов регулировались нормами адата и шариата.

Самыми распространенными формами заключения брака были просватывание еще не родившихся детей родителями, которые вступали друг с другом в отношения *бел куда* (*бел* – пояница, *куда* – сват). Другой формой была помолвка малолетних детей, часто даже находившихся еще в колыбели, их родителями, между которыми в таких случаях возникали отношения *бешик куда* (колыбельных сватов). Особую форму заключения брака представлял собой так называемый обменный брак, т. е. обмен родственницами, *кайчы куда* (перекрестные сваты). В таких случаях или семьи обменивались дочерьми, выдавая их замуж за сыновей другой стороны, или возможны были другие комбинации, например, один человек отдавал дочь за сына другого, а тот отдавал свою сестру за брата первого. Точно так же обменивались и сестрами.

Содержание этой формы брака сводилось к тому, что обмен девушками происходил уже с целью уменьшить или свести на нет материальные затраты на свадьбу и прежде всего на уплату калыма. Все эти формы были в той или иной степени связаны с преобладавшим перекрестным браком. Во всех формах брака калым уплачивался, а иногда его выплата продолжалась в течение многих лет до момента переезда новобрачной в дом мужа. Но эти формы заключения брака имели и самостоятельное значение, а по своему происхождению они не имели ничего общего с перекрестным браком, хотя, как и последний, были результатом сговора родителей будущих

супругов. Брак заключался родителями жениха и невесты. Невеста зачастую даже не знала, кто ее жених. Протест, ее несогласие на вступление в брак даже не брались в расчет и рассматривались как нарушение адата. Никаких юридических актов о браке не существовало.

Никто не имел права, не уплативши по договору калыма и обычных подарков, брать к себе невесту. Если у ответчика не хватало собственного скота, то взыскание было обращено сначала на родственников его в ауле, а при их несостоятельности – на родственников в волости, только в случае недостатка средств у родственников взыскание обращалось на пятидесяток, а затем на весь аул¹.

Форма заключения брака, к которой был вынужден прибегать батрак или бедняк, не располагавший средствами для уплаты калыма и не имевший к тому же близких родственников, на помощь которых он мог бы рассчитывать, – отработка за жену. Такого мужчину (*куч куйёё*, т.е. зять, взятый на отработку) брал к себе в дом человек, не имевший собственного сына и нуждавшийся в рабочей силе для своего хозяйства. Прожив два-три года и “отработав” жену, бедняк получал право забрать ее.

Умыкание (*кыз ала качуу*), как форма заключения брака, встречалось в прошлом довольно редко, и совершалось, как правило, с согласия невесты. К умыканию прибегали сравнительно редко, прежде всего потому, что в возникавший на этой почве конфликт втягивался широкий круг родственников и сородичей с обеих сторон, возникала родовая вражда, приводившая иногда к тяжелым последствиям.

¹ Эреже Токмоцкого чрезвычайного съезда 1893 г. // Материалы по истории государства и права Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 30.

Возвращение похищенной невесты ее родственниками рассматривалось как позор для жениха и его родных, поэтому девушку, увезенную без разрешения ее родных, помещали в доме кого-либо из влиятельных сородичей будущего мужа. Обычно дело заканчивалось примирением сторон. В таких случаях калым уплачивался в значительно большем размере.

Совершеннолетие, по киргизскому адату, достигалось приблизительно в пятнадцать лет. С наступлением совершеннолетия мужчина мог отлучаться, наниматься в работники и заниматься делом сам, без спроса старших. “В пятнадцать лет – хозяин кибитки”, – говорит киргизская пословица. Впрочем, в некоторых местах совершеннолетие считалось несколько ранее: в Аулиеатинском уезде человек до тринадцати лет назывался несовершеннолетним, с пятнадцати или шестнадцати лет – совершеннолетним; юноша четырнадцати лет мог считаться совершеннолетним; у кара-киргизов совершеннолетие начиналось с тринадцати лет; в чимкентском уезде совершеннолетие у мальчиков начиналось с двенадцати лет, а у девушек – с девяти¹.

По данным Г. Загряжского, совершеннолетие для вступления в брак и управления принадлежащим им имуществом, для вступления в договоры и обязательства *полагалось* как для мужского, так и женского пола пятнадцатилетний возраст². В некоторых регионах Кыргызстана по адату совершеннолетними считались девочки 13–15 лет, юноши – 16–18 лет³.

Вступление в брак проводилось в несколько этапов: сватовство, уплата выкупа за невесту (калым), венчание. Сватовство *куда тушуу* – это первоначальное соглашение между почетными сватами жениха и отцом невесты о женитьбе, размере калыма. Если сватовство принималось отцом невесты, то отказ от него со стороны жениха считался тяжким оскорблением и служил часто причиной групповой вражды. Обычно у киргизов практиковалось сватовство еще мало-

летних жениха и невесты. Это было вызвано побуждениями породниться с авторитетными и богатыми семьями и получить калым.

Между сватовством и венчанием проходило определенное время. После совершения сватовства родители и родня жениха должны были уплатить калым, который переходил в распоряжение отца, брата или опекуна невесты на правах частной собственности. Размер калыма обычно зависел от социального положения брачующихся, от состоятельности их родителей, а также от достоинства невесты. В случае уплаты калыма и смерти жениха перед свадьбой невеста переходила к одному из его братьев, близкому родственнику. В случае смерти невесты, за которую калым также был выплачен, за жениха отдавали ее младшую сестру.

В случае смерти жениха или невесты и при отказе первого без уважительных причин от младшей сестры, ему возвращался калым в уменьшенном виде, и он обязан был возратить подарки, а при отказе родителей выдать младшую дочь, они приговаривались к возврату жениху калыма, расходов по сватовству и лишались права на подарки.

Если невесту забирали после уплаты всего калыма, и если жених отказывался выдать невесту родителям, то к штрафу его не приговаривали, невесту не возвращали, родители были вынуждены отдать приданое. Если же родители отказывались выдать невесту или же не приготовили приданого по нежеланию, то им давался срок на приготовление приданого, или у отца невесты отделяли взамен приданого часть скота, какую признавал назначить суд биев, а жениху давали право взять невесту и без приданого.

За увоз невесты или похищение непросватанной девицы с ее согласия по иску родителей *взыскивался* с жениха сверх калыма штраф до девяти голов скота с верблюдом. Если же увоз был учинен без согласия девицы и с насилием, тогда невесту возвращали родителям по их желанию, а похититель приговаривался к штрафу, который равнялся калыму похищенной девицы. Если же родители отказывались от похищенной девицы, то кроме штрафа присуждался калым. Если была увезена чужая невеста, то виновный приговаривался к уплате жениху калыма, расходов по сватовству, штрафа в девять голов скота, а отцу невесты подарков и прочих расходов, сделанных им по сватовству. Если родители не очищали себя присягой через двоих своих родственников в том, что они не причастны к увозу

¹ Мякутин И.А. Юридический быт киргизов // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. – Алматы, 2005. – Т. 6. – С. 487.

² Загряжский Г. Юридические обычаи киргизов // Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. – Алматы, 2005. – Т. 6. – С. 272.

³ Жумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. – Фрунзе, 1960. – С. 33.

дочери, то штраф платили бывшему жениху пополам с похитителем и обязаны были выдать жениху другую девицу, а калым с похитителя брали себе. Если похищенная девица, по согласию с бывшим женихом, желала возвратиться к родителям для выхода за первого жениха, то похититель платил только штраф по приговору биев от одной лошади с халатом до девяти голов скота. Если увоз был учинен без согласия невесты, то виновный отвечал как за увоз непросватанной девицы¹.

Брачно-семейные отношения у кыргызов регулировались нормами адата, которые в основном разрабатывались и принимались на чрезвычайном съезде народных судей-биев. Так, в 1905 г. 18 сентября бии и почетные аксакалы Семиреченской области Пржевальского уезда от 9 волостей Атбашинского участка биев на чрезвычайном съезде народных судей в присутствии управителей на урочище Атбашы, согласно шариата, за разные преступления и иски между киргизами, смотря по значению преступников, составили настоящий эреже в следующем.

☞ за похищение замужней женщины виновный платил аип потерпевшему в размере 30 голов скота (начиная с верблюда) и, кроме того, уплачивал её мужу отданный им за нее калым. Если же была похищена жена у бедного человека, то виновный платил 9 голов скота и возвращал ее мужу уплаченный им за нее калым;

☞ виновный в похищении просватанной девицы или в выдаче таковой незаконному жениху подвергался штрафу в 30 голов скота (начиная с верблюда) и уплате законному жениху уплаченного им за невесту калыма;

☞ если похитивший жених по своему благосостоянию окажется не в состоянии выплатить калым в установленные сроки, то должен перед судом, переговорив с тестем, войти с последним в согласие.

За похищение непросватанной дочери “хорошего” киргиза виновный приговаривался к уплате аипа в 50 голов скота (начиная с верблюда), а за похищение у бедного (бечара) – к уплате 9 голов скота².

¹ Эреже Токмоцкого чрезвычайного съезда 1893 г. // Материалы по истории государства и права Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 30–31.

² Эреже Атбашинского чрезвычайного съезда 1905 г. // *Кожоналиев С.К.* Обычное право кыргызов. – Бишкек, 2000. – С. 286–287.

Брак завершался обрядом бракосочетания – венчанием (нике кыю), который совершался муллой. Этот обряд существует до сих пор. Обычно венчание сопровождалось тоем (праздником).

Обычное право кыргызов имело ряд положений, по которым запрещалось вступление в брак: близкая родственная связь по мужской линии, различие в вероисповедании, психическая или другая неизлечимая болезнь, неравенство в социальном и имущественном положении. Однако на практике последнее положение часто нарушалось. Девушки из бедных семей попросту продавались в более богатые семьи, а мужчина из бедной семьи жениться на богатой невесте не мог.

Правовое положение женщин особенно наглядно проявлялось в институте левирата, который устанавливал, что купленная за калым невеста является собственностью семьи или застававшего рода. Женщина, став вдовой, не могла распоряжаться ни своей судьбой, ни детьми, ни имуществом. Вдова по истечении года после смерти мужа должна была выйти за одного из братьев мужа, а при отсутствии таковых – за ближайшего родственника. Но вдова, имеющая детей и не пожелавшая выйти замуж, могла распоряжаться имуществом до достижения сыновьями совершеннолетия при условии проживания среди родичей мужа.

В некотором привилегированном положении в семье находилась старшая жена – байбиче. Так, при наличии веских оснований и с разрешения суда аксакалов, она могла оставить мужа и уйти к своим сородичам. Она могла распоряжаться имуществом семьи и при жизни мужа, но не в ущерб детям и родственникам мужа.

Семейные отношения между супругами строились на главенстве мужа. Жена должна была беспрекословно подчиняться мужу и заслушание подвергалась суровому наказанию. Однако, по сравнению с женщинами оседлых народов Средней Азии, кыргызка находилась в более благоприятных условиях. Она не была затворницей, не должна была закрываться, имела право открыто находиться в мужском обществе, если среди мужчин не было лиц, которых она обязана была избегать по обычаю. Но этими благоприятными условиями кыргызская женщина не всегда и не везде могла воспользоваться. Происходило это, прежде всего, в результате все более усиливавшегося влияния ислама. Положение женщины в семьях различных социальных групп кыргызского общества было далеко не одинаковым, как не одинако-

вы были и взгляды мужчин на роль женщин в семьях.

Во многих кыргызских семьях отношения между мужчиной и женщиной были партнерскими, основанными на совместном труде в хозяйстве. Здесь патриархальные порядки тоже сохранялись и поддерживались, но лишь в весьма ослабленном виде, зато в манапско-байских семьях они действовали с полной силой. Положение женщины, особенно второй или третьей жены и жены не отделившегося сына, мало чем отличалось от положения служанки или батрачки, где власть главы семьи носила деспотический характер. Мужчина, глава семьи, в большинстве случаев единолично решал все вопросы семейной жизни. По обычаю, глава семьи имел право бранить и наказывать всех ее членов. Под страхом быть исключенным из состава семьи запрещалось не выполнять его распоряжения или даже противоречить ему. Сын-ослушник мог быть изгнан из семьи с малой долей имущества.

Абсолютное право собственности было сосредоточено в руках главы семьи. Ни один член семьи не мог без его разрешения распорядиться хотя бы незначительной частью общего имущества. В случае раздела семьи при жизни ее главы, определенная доля имущества для каждого сына составляла его неотъемлемое право. Раздел имущества после смерти главы семьи производили обыкновенно, за известную мзду, знатные сородичи или манапы. В последнем случае относительно большая часть имущества переходила обычно к старшему сыну, затем следовали доли остальных сыновей в порядке старшинства. Если раздел имущества происходил при жизни вдовы главы семьи – матери – то относительно большую часть имущества получал остающийся при ней младший сын. Установленной доли наследства для каждого наследника не существовало.

Дочери не имели никаких прав на наследство, наоборот, они сами составляли в известной мере доходную статью для их братьев; часто в кыргызском лексиконе слово *кыз* (дочь, девица) заменялось понятием *кырк жылкы* (сорок лошадей). По истечении двух-трех лет после выхода сестер замуж, братья выделяли им кое-что из полученного ими ранее наследства, но этот выдел имущества не являлся для братьев обязательным.

Особенно ярко это проявлялось в богатых семьях, занимающих высокое социальное положение в обществе, а в бедных семьях бес-

правие женщин проявлялось слабее, чем у богатых.

Обычное право закрепляло неограниченную власть отца над своими детьми. Дети не имели права выступать против решений родителей. За непослушание отец мог наказывать своих детей, вплоть до их убийства, не преследуясь при этом в уголовном порядке. Отец имел право продавать своих детей в рабство за долги, подарить свою дочь или выдать замуж против ее воли. Дети должны были содержать своих родителей и во всем их слушаться. Правда, у кыргызов отец к дочерям относился более снисходительно, вежливо. Все распоряжения передавались через мать, ибо дочь считалась временным членом семьи, она находилась на правах гостя, и после замужества девушка переходила под власть мужа.

Обычное право разграничивало права сыновей и дочерей, незаконнорожденных и усыновленных детей, выделенных и невыделенных сыновей. Невыделенные сыновья, т.е. не имеющие самостоятельного хозяйства, жили с родителями и полностью зависели от воли отца. Правда, они могли предъявлять иски с требованием выдела, которые рассматривались аксакалами. Размер выдела правом не регламентировался.

После смерти отца устанавливалась опека над несовершеннолетними детьми. После отца опекуном временно признавалась мать, но когда она выходила замуж за родственника мужа, то опекунство переходило к нему. Если мать выходила замуж не за родственников мужа, тогда детей отдавали на попечение ближайших родственников отца. Опекун отвечал за их имущество и воспитание. По достижении детьми совершеннолетия опекун отвечал перед ними по поводу расхода имущества.

Кыргызскому обычному праву был известен институт усыновления. Обычно усыновление проходило при свидетелях-сородичах и сопровождалось обрядами. Так, приемная мать усыновляемого прикладывала его к своей груди и после этого он считался ее ребенком. Усыновленный при этом получал новое имя и принимал имя приемного отца. Традиционно усыновляли только мальчиков как в младенческом, так и старшем возрасте. Усыновленный приравнивался к родному сыну и пользовался всеми его правами. Дети, усыновленные из другого рода, имели право только на часть наследства и могли вернуться в свой род.

Правовое положение у незаконнорожденных было другое, чем у остальных. В обычном праве незаконнорожденными считались дети невест, рабынь, наложниц, вдов и замужних женщин, родившихся в результате связи их с другими лицами. Такие дети были бесправны, после смерти матери переходили в ее отцовский род, но и здесь они были отверженными людьми. Дети, родившиеся от раба и свободной женщины, считались свободными, но находились в “услужении у того семейства, к которому принадлежал отец их” (т.е. оставались полусвободными).

Основным наследником по обычаю считался младший сын; он правопреемник всего оставшегося имущества; юрта, скот и другое имущество отца после выделения старших сыновей. После смерти отца все оставшееся имущество доставалось не выделенным сыновьям. Отец при жизни старался женить старших сыновей и наделить их небольшим количеством скота, юртой и домашней утварью. Но если он не успел этого сделать, то имущество переходило в распоряжение его брата (если дети малолетние) или к старшему сыну. Если же возникала необходимость отделения братьев, то они семейную собственность делили между собой, при этом доля каждого из них определялась по договоренности или по усмотрению старшего.

В праве было известно два вида наследования: по закону и по завещанию. Законными наследниками считались жена, сыновья, близкие родственники. Если отсутствовали наследники мужского пола, то наследство могли получать дочери. Но поскольку женщины не имели права вступать в имущественные отношения, то фактически в права наследников вступали их мужья. Например, если у умершего была единственная незамужняя дочь, она должна была выбрать или ей назначали из близких родственников опекуна. Опекун должен был разумно распоряжаться ее имуществом. При выходе девушки замуж опекун получал в свою пользу калым, а имущество ее отца делилось между родственниками. Лицам женского пола, за редкими исключениями, завещали лишь одежду или предметы домашнего обихода, которые поступали в их исключительное пользование¹.

Кыргызское обычное право знало наследование по завещанию. Наследником по завещанию мог быть всякий, независимо от нацио-

нальности, возраста и пола, а равно и юридические лица. Завещание могло быть словесное и письменное.

Все условия завещания необходимо было выполнить и передавать вещь или часть имущества лицу, указанному в завещании. Завещание мог отменить только сам наследодатель при своей жизни. Завещание признавалось недействительным, когда завещанное имущество приходило в негодность или погибало, если речь шла о скоте или при наступлении смерти наследника раньше смерти завещателя. Такое распоряжение носило как бы форму дарения. Его отличие от дарения заключалось в том, что вещь переходила третьему лицу после смерти завещателя.

По нормам кыргызского обычного права самостоятельный юртовладелец имел право отчуждать свое имущество, в том числе и долговые обязательства, путем дарения. Невыделенные сыновья, опекаемые и женщины не пользовались правом дарения. Если дарение было совершено невыделенным сыном, опекаемым или женщиной, или предметом дарения оказывалось имущество, упомянутое в предыдущей статье, то само дарение признавалось недействительным, а подарок мог быть потребован обратно.

По адату расторжение брака в киргизской семье, главным образом, носило односторонний характер, поскольку практически не только решающее слово принадлежало мужчине, но и в материальном отношении женщина полностью зависела от него. Брак прекращался в связи со смертью одного из супругов или разводом, причем правом на развод пользовались не только мужчины. Причинами для развода могли служить: бездетность, прелюбодеяние, обычно со стороны женщины, неспособность к брачному сожителю, длительная разлука. Развод совершался публично на собрании аксакалов.

Нормы адата допускали развод и по инициативе жены, но только в двух исключительных случаях – при явной неспособности мужа к половой жизни и систематических истязаниях ее мужем. Причем суд аксакалов, рассматривавший такие жалобы, не сразу расторгал такой брак. Он разрешал развод только после трех предупреждений.

Поскольку суд биев обычно становился на сторону мужчины, женщина не решалась обращаться туда. Разведенная же по требованию мужа не получала от него ни принесенного ею в дом имущества, ни прижитых с мужем детей. Женщина лишь в крайних случаях решалась на этот шаг, прежде всего потому, что она должна

¹ Сборник киргизского обычного права. Древний мир права казахов // Материалы, документы и исследования. – Алматы, 2005. – Т. 6. – С. 355.

была вернуть мужу уплаченный за нее калым, а этого, за редким исключением, она не могла сделать.

Добровольно муж отпускал жену лишь в тех случаях, когда ему не на что было содержать ее или за недостойное поведение. Тогда калым ему не возвращался. Если же женщина добивалась развода, она должна была обратиться к суду биев. Последние могли удовлетворить ее просьбу только при наличии достаточно веских мотивов: 1) если она могла доказать неспособность мужа к выполнению супружеских обязанностей; 2) если муж не давал ей пищи и одежды в течение 6 месяцев и 13 дней; 3) за жестокое обращение мужа с ней; 4) при наличии физических недостатков жены, не позволяющих ей работать; 5) при умственном расстройстве одного из супругов, и др. В этих случаях бии допускали развод и выносили решение о возврате калыма и приданого, взыскивая в свою пользу солидный штраф с более заинтересованной в разводе стороны¹.

Если развод в Северной Киргизии происходил, главным образом, в соответствии с нормами обычного права, впрочем, находившегося уже под значительным влиянием ислама, то во многих районах Южной Киргизии он всецело подчинялся шариатным нормам. У киргизов Сыр-Дарьинской области не существовало “акимара”, т.е. имущества, определяемого в пользу жены на случай развода, носящего в качестве шариатного установления название “махра”.

Догмы шариата утверждали, что женщина – существо низшее с ограниченными физическими и умственными способностями и она фактически была лишена всяких прав. В детстве она обязана была подчиняться отцу, в юности – мужу, в старости – сыновьям или другим родственникам мужского пола. Эти правовые нормы за-

¹ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – С. 252.

крепляли почти рабское положение женщины в обществе и в семье. По шариату совершеннолетними для вступления в брак считались мальчики 12 лет и девочки 9 лет².

Под влиянием шариата муж в любое время и под любым предлогом мог дать развод жене. Для этого ему достаточно было произнести слово “талак”, что означает развод. В этом случае развод приобретал законную силу, хотя при желании муж имел возможность взять это слово обратно и таким образом возобновить семейную жизнь. Однако существовала предусмотренная шариатом иная форма развода, имевшего окончательный характер, для совершения которого требовалось трижды произнести слово “талак”.

Если муж без объяснения причин в присутствии трех свидетелей сказал три раза слово “талак”, что отпускает жену свою, то жена этим получила развод и отпускалась с приданным отца, а муж лишался калыма³.

Возобновление брака в этом случае требовало сложной процедуры “промежуточного брака”, носившего в Южной Киргизии название *адала* – чистый, разрешенный шариатом.

После присоединения Киргизии к России и создания в ней русских судебных учреждений, формально не имевших права разбирать гражданские дела, касающиеся местного населения, отмечалось все же увеличение количества разводов, прежде всего по инициативе самих женщин. В этом нельзя не видеть известного влияния нового правопорядка, поскольку известны случаи, когда даже чиновники царской администрации становились на сторону киргизской женщины.

² *Жумагулов А.* Семья и брак у кыргызов Чуйской долины. – Фрунзе, 1960. – С. 33.

³ *Эреже Токмоцкого чрезвычайного съезда 1893 г.* // Материалы по истории государства и права Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 33.